

полезности действующей власти подчинены задаче ее делегитимации в массовом сознании для того, чтобы обосновать претензии оппозиции на власть. Степень радикальности в формировании таких контримиджей определяется степенью и характером оппозиционности. Крайний случай – когда сомнению подвергаются не только действующие органы государственной власти, но и вся политическая система и основополагающие нормы и принципы, на основе которых она действует. В этом случае формируется образ власти как «внутреннего врага», которого нужно «устранить» любыми способами и заменить новой системой общественно-политических отношений. Важнейшую роль в данном процессе играет критика процедурных и нормативно-правовых оснований легитимности действующих политических институтов. Институт и процедура выборов представляются как демократическая «декорация», реально представляющие собой механизм приведения к власти «нужных» кандидатов и партий. Главным условием победы в этом случае выступает финансовый фактор, обеспечивающий политические интересы крупных олигархов. Свобода слова трактуется как инструмент манипулирования массовым сознанием и формирования заранее подготовленного «общественного мнения» для целенаправленного информационно-коммуникационного воздействия на избирателей и достижения необходимого результата.

Конкурирующие субъекты политики, признающие конституционно-правовые основы существующей политической системы, акцент делают на непопулярности (и соответственно не-

легитимности) отдельных действий и программ своих конкурентов, не подвергая при этом делегитимации сами политические институты.

Действующие политические институты акцент делают на соответствии своей деятельности и своих программ интересам широких социальных групп. Практика последних лет показывает, что в современной России в условиях использования пресловутого административного ресурса, в том числе и сфере информационно-коммуникационных отношений, данная стратегия осуществляется довольно успешно. Однако надо признать, что этот успех был бы невозможен без стабилизации социально-экономической ситуации в стране, без достижения определенных успехов в ряде сфер жизни общества.

Примечания

- 1 Рупасова В.Р. Специфика формирования имиджа новых институтов власти в Удмуртии: социологический аспект: Дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2004. С. 16.
- 2 См.: Семенов А.К., Маслова Е.Л. Психология и этика менеджмента и бизнеса. М., 2000. С. 86–87.
- 3 См.: Донская Л.Ю. О сущности имиджа с позиций гармонии // Ежегодник Российского психологического общества. 2002. Том 9, вып. 2. С. 76.
- 4 См.: Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. Киев, 2001. С. 98.
- 5 См.: Вилков С.В. Имиджевые технологии на выборах регионального уровня в современной России: Дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2006. С. 45–54.

УДК: 32.019.51

ИНСТРУМЕНТЫ САКРАЛИЗАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ

Т.И. Захарова

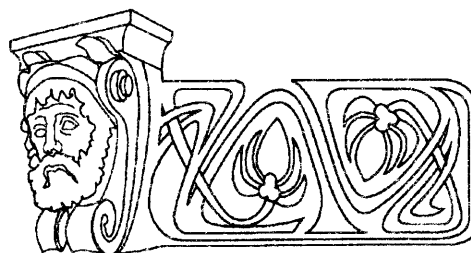
Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: itilial@yandex.ru

Сакрализация политической власти зачастую опирается на политический миф, используя его в качестве одного из основных инструментов воздействия на массы. В рамках этой статьи указанная проблема представлена как в политическом, так и в антропологическом ракурсе.

The Instruments for Sacralization: Political Myth

T.I. Zakharova

The sacralization of political authority often takes its root in political myth, using it as one of the main instruments for influence upon the masses. In this paper the problem is attacked not only from a standpoint of political science, but from an anthropological standpoint too.

Прежде чем перейти к рассмотрению данной проблемы, следует четко определить, что же мы понимаем под словом «сакральное». Этот термин по своему происхождению не политологический, а заимствован из теологии, и смысл, который он обретает при применении его в политологической сфере, несколько отличается от первоначального. Сакральное (лат. – sacer) – священное, святое, посвященное божеству, неприкосновенное, ненарушаемое, священный обряд или вещь; нечто, относящееся к области религии, тайное, запретное, с благоговением почитаемое, наделяемое нравственным совершенством; отделенное и противопоставленное профанному (лат. profanus – несвященный) – неосвященно-

му, непосвященному, нечистому, нравственно несовершенному, светскому, мирскому. Соответственно сакрализация – вовлечение в сферу религиозного регулирования различных форм общественного и индивидуального сознания, социальных отношений, деятельности учреждений и людей. Однако же нельзя поставить знак равенства между понятиями «сакральное» и «религиозное». И поскольку для нас в первую очередь интересно массовое сознание в его политическом аспекте, политическое сознание масс, сакральное и сакрализацию мы будем рассматривать несколько шире, уделяя внимание не религиозному аспекту, а качественным характеристикам и механизмам, позволяющим воздействовать на массовое сознание, а также проявлениям и применению в политике этих понятий. Применительно к сфере современной политики понимание сакрализации как обожествления отходит на второй план: «сакральное» по отношению к власти определяется прежде всего как наличие ряда свойств, которые покоятся на незыблемом убеждении в том, что некоторые группы или категории людей, а также социальные институты действительно обладают сверхъестественными знаниями и средствами воздействия на людей. Основными инструментами сакрализации и элементами сакрального являются миф, культ и ритуал. Отдельно остановимся на политическом мифе.

При помощи мифа можно повысить эффективность манипуляций обыденным сознанием, а через него – и сознанием общественным. Наиболее лаконичное определение мифа как «орудия интерпретации действительности» представлено в книге «Политическая мифология» А. Цуладзе¹. Миф, отмечает он, позволяет упорядочить картину мира, создавая особую, мифологическую реальность, и, будучи доступным обыденному сознанию, становится эффективным орудием политической борьбы. Исследователь рассматривает политический миф как средство, используемое для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства².

Н.И. Шестов определяет социально-политический миф (в общем плане) как устойчивый и эмоционально окрашенный стереотип восприятия политических реалий прошлого и настоящего, порожденный потребностью ориентации личности и общественных структур в политическом процессе, а также как форму политической творческой активности, содержанием которой является конструирование стереотипных представлений о политических реалиях прошлого и настоящего³.

К. Леви-Строс полагает, что сущность мифа составляет «рассказанная в нем история»⁴, а М. Элиаде – что «миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена «начала всех начал»⁵.

Мифология базируется на отношении человека к миру, системе ценностей, механизмах социальной регуляции поведения, формах и способах видения мира. В этом контексте представляет интерес не миф

как набор определенных представлений, как повествовательные тексты или верования, а то, как мифы воплощаются в ритуальных практиках, религиозных или морально-этических системах либо в регламентации поведения. Образ реального объекта под воздействием представлений о нем может превратиться в форму, оболочку, которая потеряет первоначальный смысл и приобретет новый. Таким же образом политический миф может изменять политическую реальность. В. Полосин под политическим мифом понимает «миф, хранящий в коллективной памяти народа опыт, связанный с действием институтов его самоорганизации и управления и направленный на укрепление суверенитета нации»⁶ и выделяет его функции:

хранение совокупного политического опыта в иносказательной форме, соотносящей его с представлениями об абсолютной стабильности;

воспроизведение данного опыта в идеологии, в политических (национально-государственных) церемониях и ритуалах;

соотнесение желаний и потребностей общества, отдельных социальных групп и корпораций, народа в целом с совокупным опытом, обобщенным до уровня архетипов⁷.

Кроме того, можно выделить ряд элементов мифологического мышления, составляющих его структуру:

эсхатологическое запугивание масс;

предъявление массам персонифицированного «образа врага» как объяснительной модели трудностей и повода для снятия ответственности;

персонифицированный «образ героя»;

использование архаической символики (трансформированные образы отца и матери, образ самости в виде образов государства, родины и тому подобные);

апелляция к прошлому как к «золотому веку»⁸.

Как уже было сказано, политический миф является одним из основных инструментов сакрализации. Также известно, что сакральное персонифицируется в конкретных носителях, в современном мире этими носителями чаще всего становятся политические лидеры. М. Элиаде отмечал, что в душе народа укоренилась надежда на «всеобщее, универсальное обновление, совершаемое новым героем, в одной из новых форм: он может быть реформатором, революционером, мучеником (во имя свободы народов), руководителем партии»⁹. Но нельзя сделать что-либо сакральным само по себе: черты сакрального человек (как и институт, действие, явление) приобретает в сознании масс или отдельных индивидов. В ряде случаев ввиду первоначального отсутствия сакральной силы ее возможно искусственно подменить или же обрести.

Политические события и процессы в рамках данной темы интересно будет рассмотреть с точки зрения политической мифологии. Мы увидим, что многие политические действия, события, процессы по схеме развития соответствуют канве наиболее

известных мифологических сюжетов. К примеру, в период очередной смены главы государства уместно будет вспомнить, как это происходило в предыдущий раз, проследив рождение и постепенное формирование мифологических образов, которые в дальнейшем могут быть неоднократно использованы в современном политическом процессе.

Итак, обратимся к событиям 1990-х гг. и дальнейшему их развитию, приводя «сюжетный элемент» мифа с «расшифровкой» в виде соответствующих ему событий, личностей, явлений.

Часть I.

1. *Молодой «герой»* – Б.Н. Ельцин. В 1987 г. Ельцин выступил на пленуме ЦК КПСС, требуя более радикального проведения перестройки. Вскоре после этого он был выведен из Политбюро, что в совокупности с его частыми призывами к «борьбе с привилегиями», способствовало созданию образа «героя-заступника» с оттенком мученичества. Популярность его быстро возрастала.

2. *Борется со «слугами Зла»* – КПСС, М. Горбачевым.

3. *Побеждает «чудовище»* – подписан указ о приостановке деятельности Коммунистической партии в России, а в декабре 1991 СССР перестает существовать.

4. *Наградой становится «царство», «восшествие на престол»* – занимает пост президента.

Часть II.

1. *«Герой» на склоне лет – трансформация образа: «пожилый правитель», «отец-основатель». С трудом удерживает бразды правления, но от власти отказать не может – некому доверить государство. «Жил-был царь, и не было у него детей...» (политических, разумеется)* – избирательная кампания по выборам президента 1996 г. проходит под лозунгами выбор «из двух зол» и «Голосуй, или проиграешь!».

Интересно то, что эта кампания строилась в первую очередь не на агитации «за», а на агитации «против», целью которой было убеждение избирателей не в том, что Ельцин настолько хорош, что следует переизбрать его на второй срок, но в том, что альтернативы ему нет. Сам Ельцин практически не появлялся в рекламных роликах, на плакатах и листовках – и если учитывать состояние его здоровья в то время, это не только объяснимо, но и более чем оправдано. Его агитация «за» была относительно нейтральной. Зато антиреклама, направленная против его основного соперника Г. Зюганова, поражала своим масштабом и разнообразием форм, начиная от телевизионных сюжетов о «кровавом коммунистическом режиме» и заканчивая красочным фотомонтажем в газете «Не дай Бог!». В. Авченко в своей книге «Теория и практика политических манипуляций в современной России»¹⁰ писал: «В агитационных материалах штаба Ельцина, а также в формально нейтральных («информационных») материалах, поддерживающих Ельцина СМИ, Коммунистическую партию Российской Федерации и ее лидера Геннадия Зюганова (хотя он шел на выборы

не от КПРФ, а от Союза народно-патриотических сил), представляли как людей, жаждущих «всех посадить и расстрелять». Также ходовым стал тезис о том, что в случае победы Зюганова немедленно начнется гражданская война. Причем подобные сообщения постоянно повторялись, варьировались, «долбили камень частым падением» во всех крупнейших СМИ».

2. *После долгих поисков достойного* – происходит неоднократная смена глав Правительства.

3. *Явление нового молодого «героя»* – соответственно, возникает традиционный мотив испытания, первый этап которого «герой» успешно выдерживает, доказывая тем самым, что достоин доверия «отца-основателя» – В. Путин занимает пост премьер-министра, становясь (учитывая состояние здоровья президента) как бы соправителем.

4. *Происходит первая, временная передача власти. Символическая составляющая этого процесса* – общественная потребность в переменах – в конце 1999 г. (в канун нового года, который символизирует обновление, перемены, надежды на лучшее) Б. Ельцин добровольно покинул свой пост. При этом он предложил избирателям поддержать на выборах кандидатуру Путина, уже занимающего пост премьер-министра (и автоматически становящегося исполняющим обязанности президента в случае досрочного ухода последнего в отставку).

Возник прецедент преемственности впервые в истории постсоветской России – и образ «преемника».

5. *Финальное испытание* – выборы.

Практически власть нельзя передать сразу, необходимо соблюсти ритуал, процедуру демократических выборов. Всячески подчеркивается, что ритуал – формальность, и тем самым закладывается определенное противоречие: с одной стороны, как бы отрицается важность ритуала до финала (тем самым уменьшается значимость мотива «герой, прошедший испытание»), а с другой – подчеркивается его же важность после, по факту успешного завершения (52,94% проголосовали «за» при явке избирателей 59,50%). Но ценность полученного процента голосов меньше, чем была бы после «тяжелой битвы» если не с превосходящим, то хотя бы с равноценным противником.

6. *Замыкается круг: завершается история первого героя, образ «отца-основателя» обретает всю полноту. Он приобретает черты Духа-предка, покровителя* – смерть и пышные похороны первого президента. Прямую трансляцию этого события по федеральным телеканалам имела возможность увидеть вся страна. Особо подчеркивалось, что Б. Ельцин стал первым государственным деятелем за сто с лишним лет, прощание с которым происходило в храме, а также выделялись некоторые «мистические совпадения»: например, тот факт, что отпевание состоялось в Храме Христа Спасителя, который был открыт в день добровольного ухода первого президента со своего поста, а также то, что он был одним из инициаторов восстановления этого

храма. Церемония стала дополнительным поводом для выделения положительных, светлых черт «отца-основателя» и дала возможность в очередной раз подчеркнуть преемственность. На траурном приеме в Кремле Президент РФ Владимир Путин заявил: «Борис Николаевич, как бы тяжело ему не было и какое бы тяжелое время не переживала страна, всегда верил в возрождение и преображение России, уважал талант и силу российского народа. И искренне пытался сделать все, чтобы жизнь миллионов россиян была достойна столь гордого звания. <...> И Борис Николаевич не только останется в нашей памяти, мы будем идти к этой цели»¹¹.

Мы знаем, что человеческое общество может существовать как единое целое лишь при условии, что существуют определенные общие для членов этого общества представления, идеи, образы или иллюзии. В современном мире эти идеи оформляются в виде политических мифов, которые оказывают существенное влияние на развитие и жизнь общества. Следует отметить, что повышенная активность мифообразования, равно как и мифотворчества, наблюдается в переломные, кризисные моменты истории. Отчасти это объясняется тем, что именно в такие моменты иррациональное начало в мышлении и поведении людей (в первую очередь – массовом поведении) существенно преобладает над рациональным (хотя и в периоды стабильности оно не исчезает).

У каждого народа есть собственная мифологическая традиция и новые национальные мифы, приходящие на смену друг другу, как правило, наследуют от прежних какие-то основные черты. И далеко не всегда политические мифологии возникают спонтанно¹². Политический миф, как и большинство целенаправленно создаваемых манипулятивных методов и образов производятся и работают на уровне массового сознания. Продукты манипулятивной системы формируются в расчете на тот средний уровень, который существующая социальная, экономическая, политическая, культурная реальность уже подготовила для их восприятия. И в этой точке политический миф вплотную соприкасается (а иногда происходит и взаимопроникновение) с политической рекламой.

По сути своей реклама является псевдомифом: миф способен зародиться в массовом сознании или же в сознании отдельных индивидов, которые затем распространяют его, в то время как реклама приходит извне, рассчитана на реакцию со стороны объектов воздействия и ставит перед собой вполне определен-

ные цели и задачи. В. Полосин так характеризует это отличие: «В мифе психологическое сопереживание созерцаемой истории заложено изначально <...> Сами образы мифа рождаются лишь при условии вызывания ими данного сопереживания. В рекламе – искусственно построенной на чем-то субъективном (не легитимизированном обществом) опыте истории – такое сопереживание у других членов общества изначально отсутствует, а потому его вызывание является главной целью ритуального действия самой рекламы. Если данное сопереживание появляется, то индивид поверит показанной ему истории и примет участие в предложенном ему соответствующем ритуале (голосовании за нужного кандидата или покупке товара)»¹³. И действительно, разница между рекламой товаров и услуг и агитационными материалами кандидатов в разгар предвыборной гонки не так уж велика. Но со временем даже то, что по своему происхождению было лишь очередным «рекламным ходом» или же совокупностью обычных политических действий, способно преобразиться, трансформируясь в явление более высокого порядка, становясь мифом.

Примечания

- ¹ Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003.
- ² Там же. С. 22, 23, 56.
- ³ Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. Саратов, 2003. С. 79.
- ⁴ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 218.
- ⁵ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2005. С. 7.
- ⁶ Полосин В. Миф. Религия. Государство. М., 1999. С. 169.
- ⁷ Там же. С. 169.
- ⁸ Гусева С.А. Современный политический миф: игра по законам архаики // Всероссийская ассоциация прикладного психоанализа (ВАПП). 1994. www.mecto.ru
- ⁹ Элиаде М. Указ. соч. С. 166.
- ¹⁰ Авченко В. Теория и практика политических манипуляций в современной России // Библиотека «Пси-фактор» // <http://psyfactor.org/polman.htm>
- ¹¹ Путин: Ельцин мечтал о достойной жизни для россиян // РИА Новости от 25 апреля 2007 // <http://www.rian.ru/society/20070425/64393649.html>
- ¹² См.: Мищенко М. Миф XXI века: создание российской национальной мифологии // Зеркало недели. 2004. 24–30 января. № 3 (478).
- ¹³ Полосин В. Указ. соч. С. 68.